

А. Ф. Ш у т о в, Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Ижевск 2002.

14 мая 2002 г. на заседании диссертационного совета Д 212.116.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Александра Федоровича Шутова на тему: «Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке». Работа выполнена в Удмуртском государственном университете. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Н. И. Исанбаев (Йошкар-Ола), М. Г. Атаманов (Ижевск), профессор А. Н. Куклин (Йошкар-Ола).

Восточные финно-угорские языки не имеют древних письменных памятников, что в значительной степени затрудняет исследование проблем их диахронического синтаксиса.

Выяснению исторических судеб явлений и процессов далекого прошлого в области синтаксиса в известной мере способствуют грамматические реликты древних эпох, уцелевшие в диалектах восточных финно-угорских языков. В принципе они могут быть охарактеризованы как грамматические изоглоссы, представляющие лингвистическую ценность для получения выводов диахронического порядка. Однако сравнительно-генетических исследований проблем синтаксиса диалектов ни по пермским, ни по волжско-финским языкам до сих пор не проводилось.

В такой ситуации сравнительно-сопоставительное изучение путей развития гипотактических отношений в удмуртском языке представляет большой научный интерес как для разработки общетеоретических проблем компаративистики и контрастивной грамматики, так и для решения научно-практических задач удмуртского языкознания.

Более того, начиная с 60-х годов XX столетия синтаксическая система агглю-

тинативного удмуртского языка деформируется под действием средств массовой информации фузионного русского языка. Здесь в первую очередь следует указать на сдвиги в триаде «субъект — действие — объект», нарушения линейного порядка в синтагмах, ломку древних конструкций. Подобного рода преобразования выработанных языком основных синтаксических моделей, наблюдающиеся в произведениях большинства современных удмуртских писателей и журналистов, расцениваются как речевые ошибки, возникшие по причине незнания грамматических особенностей, стилистических приемов и выразительных возможностей родного языка.

Структура рецензируемой работы (305 с. компьютерного текста) отличается стройностью и логичностью. Она состоит из предисловия (с. 4—11), введения (с. 12—23), основной части, включающей шесть рубрик и 64 подрубрики (с. 24—234), заключения (с. 235—239). Библиографический список содержит 190 наименований (с. 240—255). В справочной части имеется список сокращений источников, состоящий из 106 наименований, а также сокращения названий языков (с. 257). Работу завершает приложение «Макроистория гипотактических конструкций в таблицах», где имеется 38 таблиц (с. 258—305).

Следует оговориться, что рубрики и подрубрики основной части, выделенные на основе индексационного принципа нумерации, далеко не однородны как в смысле полноты, так и особенно по характеру изложения. Подобная эскизность на данном этапе изученности предмета представляется неизбежной, ибо в одних случаях однозначные (типичные или ядерные) второстепенные члены предложения обладают широким спектром дифференциальных признаков (обстоятельство времени, дополнение), в других — семантическая ем-

кость, образуемая более частными значениями, невелика (обстоятельства образа действия, меры и степени, условия, уступки).

Композиция работы соответствует решению поставленной цели — исследованию гипотаксиса в удмуртском языке. В центре внимания находятся предложения с инфинитными и другими конструкциями, функционально соответствующими придаточным предложениям, сложноподчиненные предложения и некоторые переходные гипотактические конструкции, удерживающие в какой-то мере реликты номинативного строя языка.

Ведущим научным методом в подобных работах обычно избирается компаративистский обзор гипотактических конструкций родственных языков, а в случае необходимости и неродственных контактирующих языков с их многочисленными диалектами для установления типологических особенностей и сходжений в грамматических схемах и моделях конструкций. Помимо фронтального анализа существеннейших отличительных черт в плане выражения и в плане содержания в гипотаксисе разносистемных языков большое внимание автор уделяет раскрытию специфики генетических параметров в субординации или в синтаксической связи предложений удмуртского с наиболее близким ему по своим историческим судьбам марийским языком на фоне лингвистических данных агглютинативных татарского и чувашского языков.

Наряду с характеристикой синтаксических конструкций современного удмуртского языка значительное место отводится интерпретации явлений далекого прошлого, в частности гипотактических конструкций переводных евангелий 1847 года. Следовательно, автор, разграничивая две перспективы — одну проспективную, следующую за течением времени, а другую ретроспективную — сливает их в единый механизм, направленный на поиски идентичного и отличительного в гипотактических конструкциях. Поэтому теоретические положения и методика изучения гипотактических конструкций, разработанные

А. Ф. Шутовым, могут быть использованы при моделировании основных схем предложений с инфинитными и другими конструкциями как близкородственных, так и дальнеродственных финно-угорских языков.

Однако в применении соответствующей методики необходимо соблюдать достаточную осторожность, ибо переводные «Евангелии от Марка и Матфея» 1847 года были калькированы с церковнославянского языка русскими священнослужителями, владевшими в какой-то степени лишь разговорным удмуртским языком. Безусловно, между удмуртским и русским языками имеются значительные различия в закономерностях построения предложений. Сравните, например, переводы «Евангелия от Марка» 1847 года и 1997 года, сделанного квалифицированным филологом, хорошо знающим свой родной язык:

- 1) русский текст: *Нет ничего тайного, что сделалось бы явным* (Еванг. от Марка 4:22).
- 2) глазовское наречие (1847): *Эвыл-уг номыре но уватском лэсьтэмын, мар-ке тодэм эй-лась.*
- 3) удмуртский язык (1997): *Номырлэн но лушкем, шаре потытэк кылемез уг луы.*

Разумеется, при пословном переводе коммуникативно-мыслительная структура предложения в какой-то степени подвергается деформации. Тем более, если взять для сравнительно-сопоставительного анализа соотношение словорасположения по линейному порядку подчиняющих и подчиненных элементов русского и удмуртского языков, то первый, согласно современным синтаксическим теориям, относится к числу умеренно центростремительных языков, а второй — к числу строго центростремительных. Типологическое качество порядка слов с течением времени может, конечно, меняться, но в неизменном виде сохраниться в каком-то одном из диалектов.

В этой связи интересно бы узнать, как представлены гипотактические отношения в языке бесермян? Бесермянская этническая группа компактно рас-

селена на небольшой территории среди удмуртских, татарских и русских поселений. Язык бесермян, как отмечает Т. И. Тепляшина (см. *Язык бесермян*, Москва 1970, с. 242—244), в своей основе удмуртский и представляет собой один из специфических его диалектов.

Для языков с небольшой письменной традицией большую ценность для изучения путей развития гипотактических отношений представляют произведения народного устного поэтического творчества как наиболее старые — заговоры, загадки, пословицы, обрядовые песни, так и более новые — сказки, былины, предания.

В предисловии (с. 4—11) указывается на актуальность, объект, предмет, цель и задачи исследования, интерпретируются лингвистические методы и приемы, нацеленные на анализ гипотактических отношений в удмуртском языке, описываются источники работы, раскрывается научная новизна исследования, его практическая и теоретическая значимость, отмечается апробация основных положений и результатов диссертации.

Во введении (с. 12—23) подробно рассматривается история изучения анализируемых автором гипотактических конструкций в удмуртском, других финно-угорских и неродственных (тюркских) языках.

Давая обзор литературы, А. Ф. Шутов приходит к выводу, что в ряде работ содержатся ценные и интересные наблюдения о природе и происхождении гипотактических конструкций, особенно у Ф. Й. Видеманна, К. М. Баушева, А. Клемма, Д. Р. Фокоша-Фукса, Б. А. Серебренникова. Относительно полно в синхронном плане, по его мнению, изучены в удмуртском языке деепричастные конструкции, а также некоторые типы определительных и обстоятельственных конструкций сложноподчиненных предложений. Однако переходные гипотактические конструкции в удмуртском языке вообще не рассматривались. Что касается гипотактических конструкций удмуртского языка, то ни одна из них не подвергалась диахронному анализу с учетом данных

от первых письменных памятников до произведений наших дней (с. 23).

В рубрике «Порядок слов и гипотаксис» (с. 24—32) прослеживается прямая причинно-следственная связь между порядком слов «определение + определяемое» и эволюцией гипотактических отношений в удмуртском языке.

Рубрика «Распространенные члены как семантические аналоги придаточных предложений и их происхождение» (с. 33—42) посвящена истории возникновения двух разновидностей конструкций с неспрягаемыми формами глагола (деепричастиями, причастиями, отлагательными именами и другими словами) — моносубъектной и немоносубъектной, употребляющихся в функции различных придаточных предложений. Вопрос этот относится к числу дискуссионных. На основе анализа значительного фактического материала автор приходит к выводу, что предложения с немоносубъектными конструкциями возникли из двух самостоятельных предложений и являются одной из древних форм выражения гипотаксиса в удмуртском языке (с. 36).

В подразниках второй рубрики (с. 42—155) весьма подробно анализируются и впервые обстоятельно описываются инфинитные и другие конструкции, употребляющиеся в функции ядерных и неядерных элементов. Такие элементы или, по традиционной терминологии, члены предложения, являющиеся семантическими аналогами придаточных предложений, в разное время освещались в разделах «Второстепенные члены предложения» и «Обособленные члены предложения» научной и школьной грамматик удмуртского языка. Однако исследования А. Ф. Шутова отличаются широтой охвата лингвистических данных и глубиной их анализа. Поэтому в орбиту научной интерпретации впервые попали обстоятельства условия (с. 104—105) и уступки (с. 105—109). Кстати, в грамматиках марийских литературных языков обстоятельства условия и уступки давно фигурируют как самостоятельные второстепенные члены.

Естественно возникает вопрос: употребляются ли в функции обстоятель-

ства, обозначающего место действия, направление и путь движения, инфинитные и другие конструкции? И другой вопрос: встречаются ли синкретичные второстепенные члены, восходящие к инфинитным и другим конструкциям? Если да, то имеются ли обстоятельственные дополнения?

В третьей рубрике (с. 155—157) рассматриваются конструкции с сопоставительными отношениями, которые не относятся к членам предложения.

Четвертая рубрика (с. 157—214) посвящена анализу сложноподчиненных предложений. Автором дается обстоятельная характеристика истории изучения союзного и относительного подчинения, многочленных сложноподчиненных предложений.

Как известно, к решению проблематики сложного предложения подходят с разных точек зрения: семантики, т.е. общего грамматического значения, заключенного в этой структурной единице (структурно-семантический подход); структуры, т.е. формальной организации этой синтаксической единицы; функции, т.е. взаимодействия ядерных и неядерных элементов данной синтаксической единицы для выражения грамматического значения и особенностей употребления этой единицы; стилистического использования единицы, т.е. выбора ее из имеющихся средств и наиболее удачного и уместного ее применения в данном контексте (функционально-стилистический подход); динамической, т.е. анализ того, как организована эта единица для сообщения новой мысли (информации) и как она взаимодействует с другими единицами в контексте (коммуникативный подход).

А. Ф. Шутов придерживается логикограмматической классификации сложноподчиненных предложений, согласно которому придаточные предложения уподобляются членам простого предложения.

Определенный интерес для теоретической разработки типологических закономерностей в синтаксисе представляет интерпретация причины недостаточной развитости местоименно-

союзных соотносительных и многочленных сложноподчиненных предложений, состоящих из большого количества предикативных частей.

А. Ф. Шутовым впервые квалифицируются лексические единицы *мед* 'чтобы', *чо ж* (= *чõ же*) 'пока' как союзы.

Пятая рубрика «Вопрос о синтаксических заимствованиях» (с. 214—225) представляет несомненный интерес для теоретического осмысления проблем контактологии и контрастивной грамматики. Языковые факты, имеющиеся в этой рубрике, ценны для дальнейшей разработки методического инструментария сопоставительно-типологического языкознания.

Рубрика «Переходные явления в выражении гипотаксиса» (с. 225—234) невелика по объему, но очень важна для упорядочения синтаксических и стилистических норм удмуртского литературного языка. Обращает на себя внимание, что объективные структурные показатели стилистической маркированности предложений нарушаются сдвигом от гипотаксиса к паратаксису или же стремлением к нейтрализации постпозитивных союзов.

Теоретическая часть работы завершается заключением (с. 235—239), содержащим умело сформулированные выводы по шести рубрикам.

Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке наглядно показаны в 38 таблицах (с. 258—305), где содержатся примеры на гипотактические конструкции, собранные автором путем сплошной выборки из разных источников (от евангелий и «Азбук» 1847 года до современных текстов).

В результате автору удалось провести количественный анализ синонимичных конструкций, выявить продуктивность и непродуктивность их типов.

Во избежание тавтологии во всех таблицах в графе «Формирующий член конструкции» слово *член* рецензент заменил бы лексемой *элемент*, поскольку рядом с ней фигурирует графа «Члены предложения» (с. 260 и др.).

В работе все же имеются отдельные недостатки: стилистические погрешнос-

ти в переводах удмуртских предложений на русский язык; орфографические описки; недочеты в названиях отдельных источников, и некоторые опечатки. Эти неточности, погрешности и недомолвки легко устранимы и не снижают общей положительной оценки исследования.

Резюмируя изложенное, можно с уверенностью констатировать, что А. Ф. Шутов разрешил многие ключевые вопросы синтаксиса, до сих пор остававшиеся нерешенными в удмуртском языкознании. По содержанию предлагаемые решения не вызывают принципиальных возражений. Репрезентация конкретных наблюдений и выводы автора аргументированы, научно обоснованы. Теорети-

ческая и практическая значимость их несомненна, поэтому они могут быть использованы при исследовании гипотактических отношений в других родственных языках и найдут применение в преподавании курсов синтаксиса, сравнительной грамматики, сопоставительной типологии, финно-угроведения в вузах республик Урало-Поволжского историко-географического региона.

Теоретические положения и иллюстративный материал исследования могут быть хорошим подспорьем при составлении «Сравнительной грамматики пермских языков», «Исторического синтаксиса удмуртского языка», «Сопоставительной типологии русского и удмуртского языков. Синтаксис».

АНАТОЛИЙ КУКЛИН (Йошкар-Ола)